

Хейвен готовилась лечь спать после того, как оставила Джину и Зарина сражаться в одиночку. Она так много хотела сказать Зарину, но казалось, что ему все равно, или он не будет слушать. В последнее время он пренебрегал ее желаниями и эмоциями, и она не могла понять, почему. Его поведение ранило ее чувства. Она устала быть той, кто пытается заставить их дружбу работать. Ей надоело бежать за ним, а теперь надоело пытаться заставить его слушать ее. Он ни разу не принял во внимание ее чувства. Но теперь она беспокоилась за него больше, чем злилась. Он разозлил Замизеля, и Хейвен не была уверена, будет ли Замизель молчать в свое время. Может быть, ей стоит пойти к нему еще раз, умолять простить безрассудное поведение Зарина. Замизель предупредил ее, чтобы она не приходила к нему, что он выгонит ее в следующий раз, когда она это сделает, но она не поверила его словам. Кроме того, ей придется что-то сделать, чтобы исправить последствия ссоры, устроенной Зарином. Подойдя к зеркалу, Хейвен распустила волосы, чтобы прикрыть шею, прежде чем телепортироваться в его дом. Как только она оказалась перед его старым домом, она подняла немного земли и травы и потеряла ими свою кожу. Она хотела избавиться от своего запаха, чтобы не усугублять его страдания. Затем очень осторожно она вошла в его дом. Темнота заполняла залы и комнаты, как обычно. Хейвен последовала за его запахом. На этот раз он был смешан с запахом горячей древесины. Когда она пришла в его комнату, первое, что она заметила, это огонь, горящий в очаге, и Замизель сидел рядом с ним в кресле. Он, казалось, отдыхал, его лицо выглядело расслабленным, а глаза были закрыты. Но его состояние, казалось, ухудшилось. На этот раз он выглядел еще более мертвым. – Я знал, что ты придешь, – он говорил с закрытыми глазами. – Если ты пришла просить помиловать своего друга, не беспокойся. У меня нет желания драться с мальчиком. Хейвен стояла там тихо, не зная, что сказать. Если ей не нужно умолять о жизни своего друга, то больше здесь делать было нечего. Медленно Замизель приоткрыл глаза и уставился на нее. Его глаза не отражали слабость его тела, он все еще смотрел на нее с той же интенсивностью. – Ты помнишь, что я говорил тебе в прошлый раз? Хейвен знала, о чем он говорил: «Что ты пошлешь меня на небеса, если я приду сюда». – Значит, ты помнишь? – спросил он. – Тогда разве ты не ценишь свою жизнь или ты так сильно веришь в меня? – Я верю в свое суждение о тебе.

– И каково твое суждение обо мне? – Что у тебя есть здравый смысл. Замизель наклонил голову в сторону, внимательно изучая ее лицо. Сердце Хейвен стучало, пока его взгляд поднимался и опускался по ее телу, прежде чем он задержался на ее шее. Улыбка пробила к его губам. Хейвен потребовалось мгновение, чтобы понять, что он улыбается тому факту, что она растирала грязь и траву о свое тело. – Не волнуйся. Мое желание под контролем. – заверил он ее. Хейвен запаниковала. Что это значило? Разве у него больше не было чувств к ней? Возобладает ли в конце концов его ненависть к ведьмам? Хейвен не хотела этого. Она не хотела, чтобы он ненавидел ее, и не хотела, чтобы он страдал. Может быть, это было к лучшему. Если бы он боролся с побуждением, и их связь порвалась, он был бы свободен от страданий. Но в то же время Хейвен думала, что его слова не соответствуют его состоянию. На данный момент у него может быть контроль над побуждением, потому что он голодал и ослаблял себя. – Ты убьешь себя, если не будешь есть. – Она попеняла ему. Если бы это было так просто. – Ответил он. – Ты должен есть, – сказала Хейвен, не обращая внимания на его слова. – Подожди! Не дожидаясь его ответа, она телепортировалась обратно домой. Она пробралась на кухню и прихватила с собой хлеб и несколько фруктов. Стойте! Как она могла так легко телепортироваться домой на этот раз? Не успев задуматься над этим, она вернулась в дом Замизеля с едой. Как она и сказала ему, он ждал ее. Он все еще сидел там, где она его оставила. Хейвен подошла к нему и положила еду на стол. – Я просто принесла немного на данный момент, но я могу принести больше, если ты все еще будешь голоден. Нет причин морить себя голодом, если твое желание под контролем. Он нахмурился, когда посмотрел на нее, а затем на хлеб. Он медленно поднял его со стола и некоторое время изучал. Хейвен задавалась вопросом, не сделала ли она что-то не так, потому что внезапно его лицо

искривилось от отвращения, а глаза засверкали ненавистью. – Последней едой, которую я ел, был хлеб. – Он заговорил, прежде чем посмотреть на нее. – Он был отравлен. Хейвен посмотрела в его страшные глаза, понимая, что она пробудила в нем ненависть.

– Я бы никогда... Внезапно он встал со стула и схватил ее за волосы, приблизив ее лицо к своему. Хейвен застонала от боли. – Ты хочешь снова запереть меня внутри, не так ли? Чтобы я не причинил вреда твоему дорогому другу? – Его ярость была пугающей, а его хватка за волосы была настолько сильной, что она думала, что он вырвет ее на волосы. – Ты могла бы просто попросить. Разве я не сдержал своего слова, что не причиню вреда вашей семье? Я думал, что ты будешь другой. – Он плюнул от отвращения. Хейвен не могла справиться с болью, поэтому она сделала то, что должна была сделать. Она коленом ударила его в пах. Это всегда работало, независимо от того, насколько сильным был демон. Замизель не издал ни звука, но она могла видеть боль на его лице, когда он двигался, отпуская ее волосы, и она отбежала от него. Прежде чем он смог прийти в себя, она поспешила забрать хлеб. – Подожди! – Она протянула руки, когда он повернулся к ней с убийственным взглядом в глазах. Хейвен взяла кусок хлеба и засунула его себе в рот. Она мрачно жевала его. Теперь его выражение лица превратилось из гнева в замешательство. Хейвен проглотила кусок: «Смотри. Я не отравила его».

Замизель просто смотрел на нее. Столько эмоций промелькнуло в его глазах... Хейвен положила хлеб обратно на стол, прежде чем посмотреть на него: «Я доверяла тебе, когда пришла сюда. Я не ожидаю, что ты будешь легко доверять мне, но нет причин жить, если ты хочешь продолжать жить в ненависти, – сказала она. – Сейчас никто не заставляет тебя страдать, кроме тебя самого. Замизель был ошеломлен ее словами. Гнев в его глазах сменился болью. Хейвен не собиралась ненавидеть его. Она не собиралась причинять ему боль. Он медленно осознавал правду, но ее слова, как она надеялась, помогут ему в будущем. Опять же, она знала, что столько лет боли и страданий не исчезнут за одну ночь. Она знала, что это займет время, но в ней что-то зрело и заставляло ее чувствовать себя нетерпеливой. Ей постоянно приходилось отвлекаться, избавляться от голосов, которые велели заботиться о нем, защищать его, исцелять и, прежде всего, сделать его своим мужчиной. Да, ей пришлось признать, что она хотела, чтобы он принадлежал ей. Она хотела разрушить его планы по борьбе с желанием укунить ее снова. Если бы не та ее часть, которая заботилась о его чувствах, она смогла бы остаться в стороне. Казалось, что ей также нужно бороться с какими-то неизвестными побуждениями. Замизель отвел от нее взгляд. Его руки сжимались в кулаки, когти пронзали кожу. Это было похоже на то, что боль была его пищей, а страдания были его домом. Он отказывался отпустить прошлое, потому что думал, что ему там место. Ему нужен был кто-то, кто вытащил бы его из этого темного мира и показал ему, что есть что-то иное. Хейвен подошла и встала перед ним, чтобы он мог видеть ее лицо. Он по-прежнему отказывался смотреть на нее. – Замизель, ты заслуживаешь лучшего, чем это. Ты не должен быть тем, кто страдает, это они должны страдать. Лучший способ отомстить – это быть счастливым. Твоя семья не хотела бы, чтобы ты жил так, как сейчас. Хейвен знала, что говорить о его семье рискованно, но она была готова пойти на этот риск. Замизель по-прежнему отказывался смотреть на нее. Хейвен вздохнула: «Если ты решишь прекратить свои страдания, я буду ждать тебя».